

И. В. Головачева

ДВЕ КУЛЬТУРЫ: СЛОВО ОЛДОСА ХАКСЛИ

Уникальный статус Олдоса Хаксли в культуре определяется тем, что этот литератор ставил перед собой задачу соединить дискурсы науки и искусства в едином пространстве художественного текста. В биографии писателя поражает то, что он был участником многочисленных научных дискуссий и конференций. Не только философы, что нередко в истории литературы, но и профессиональные биологи, генетики, медики, фармакологи, психиатры и психотерапевты, с которыми он обменивался мнениями, относились к нему исключительно серьезно, порой воспринимая его как коллегу и вовлекая в новаторские проекты. В любой поездке с ним всегда находился дорожный вариант Британской энциклопедии. В Калифорнии, где он прожил последние три десятилетия, он подписывался отнюдь не на «Times Literary Supplement» или «New York Times Book Review», а на журналы «Nature» и «Main Currents in Modern Thought». Знаменитый философ и политолог Исая Берлин, неоднократно встречавшийся с Олдосом Хаксли, пишет в своих воспоминаниях: «Наверно, после Спинозы никто с такой страстью, последовательностью и полнотой не верил в тот принцип, что освобождает лишь знание» [1, с. 10].

Наука, в особенности естествознание, входила в сферу важнейших сфер интересов Олдоса Хаксли. Почему?

Во-первых, ему как создателю сюжетов и характеров представлялось интересным изобразить ученого, его мыслительный процесс: движение ума от набора чувственных восприятий к набору ненаблюдаемых, гипотетических данностей и затем к новой гамме переживаний и системе представлений. Ученые присутствуют во многих произведениях Хаксли. Это Широтер в «Шутовском хороводе» (Antique Hay, 1923), лорд Тэнтемаунт в «Контрапункте» (Point Counter Point, 1928), Мартенс в «Гении и богине» (The Genius and the Goddess, 1955), Миллер в «Слепце в Газе» (Eyeless in Gaza, 1936), Обиспо в «Через много лет» (After Many A Summer, 1939) и Макфэйл в «Острове» (Island, 1962).

Во-вторых (и это самое главное), Хаксли полагал, что наука оказывает все более существенное влияние на дух, сознание и на абсолютно все стороны жизни человека и планеты. Следовательно, писатель просто-напросто не может ее игнорировать. Разумеется, это спорная точка зрения. В современной литературе найдется немало литераторов, словно не замечающих того, в каком именно времени они живут.

Олдос Хаксли неоднократно отмечал, что писатели в целом любят хвалиться своим неведением. Он называл литераторов, по-прежнему не желающих знать и понимать открытия Эйнштейна и Гейзенберга, «невежественными идиотами». У самого Хаксли не было ни малейшего сомнения в значительности того места, которое должна занимать наука в современной культуре, и в тех возможностях, что предоставляет литературе актуальное знание.

Дискуссия о «культурах», о взаимоотношениях науки и искусства, имеющая самое непосредственное отношение к проблемам современного литературоведения, была начата еще в XIX в. предками Олдоса Хаксли по материнской и отцовской линиям — Мэтью Арнольдом и Томасом Гексли (Хаксли)¹. Арнольд написал эссе «Литература и

¹ См. об этом подробнее в «Жизни Мэтью Арнольда» Николаса Мюррея [2, р. 301].

© И. В. Головачева, 2010

наука» [3], а Томас Гексли — статью «Наука и культура» [4]. После того как Арнольд объявил, что определяет искусство как лучшее из всего, что придумано и сказано людьми, и что оно включает в себя и науку, и культуру, они с Гексли, по существу, пришли к единому мнению: между наукой и культурой не существует непроницаемой границы.

В 1919 г. в небольшом эссе «Поэзия и наука» (Poetry and Science) [5], написанном для «Athenaeum», внук Арнольда и Гексли, молодой литератор Олдос Хаксли поделился с читателями своей мечтой «поженить науку и поэзию», добавив, что, к сожалению, в английской литературе почти нет достойных примеров подобного союза. В качестве объекта беглого анализа он берет поэму «Любовь растений» Эразмуса Дарвина (1731–1802), деда великого эволюциониста². Хаксли утверждает, что избранный Дарвиным метод поэтизации неудовлетворителен, как и метод дидактических поэтов XVIII в. в целом:

«Они просто рифмуют, попутно затуманивая смысл прозы. Научные и моральные истины, о которых они пишут, ни в коем случае не становятся самой материей поэзии. Эти истины по-прежнему остаются фактами грубой прозы, они не переварены и не усвоены воображением. <...> Автор должен быть *passionné* своим предметом, должен чувствовать — если пишет о науке или философии — что истины, с которыми он имеет дело, теснейшим образом связаны с ним лично. В тех редких случаях, когда это происходит, стихотворное изложение идей науки и философии становится поэзией» [5, р. 783].

Хаксли изумлялся тому факту, что XIX столетие, столь богатое научными идеями, не смогло породить хороших поэтов, страстно увлеченных темой науки. По его мнению, Альфред Теннисон хоть и писал о науке много, но тон его оставался холодным, наука не зажигала его лирическое воображение. Что касается Роберта Бьюкенена (1841–1901), то, полагает Хаксли, он был страстно увлечен научными предметами. Однако при этом Бьюкенен никогда не был первоклассным поэтом. В литературе XIX в., по мнению Хаксли, лишь Жюль Лафорг (1860–1887) под впечатлением от научных гипотез и открытий в философии и науке (в частности, идей Гартмана о подсознании) создал истинно талантливые произведения. Хаксли уверяет, что хотя бы с историко-литературной точки зрения Лафорг навсегда останется интересным как единственный поэт XIX в., нашедший поэтическое и при этом очень интимное выражение доминантной научной философии своего времени.

Как известно, подлинные страсти вокруг темы «искусство и наука» разгорелись лишь в середине XX в., когда вспыхнул «конфликт двух культур», вызванный в 1958 г. лекцией Ч. П. Сноу «Две культуры и научно-техническая революция» [7]. В своей лекции Сноу констатировал разрыв между научно-технической и гуманитарной «культурами». Он безапелляционно причислил литераторов к «неучам», обвинив их в пессимизме и отсутствии интереса к науке и прогрессу. (Это непонимание художниками науки поставит им через несколько лет в вину и О. Хаксли, внимательно следивший за полемикой вокруг этого вопроса.) Сноу объявил, что именно ученые исповедуют гуманистические идеалы, и потому следует изменить систему университетского образования, отдав приоритет научным дисциплинам:

² У читателя возникает вопрос: случаен ли тот факт, что именно Э. Дарвин оказался в ряду трех упомянутых Олдосом Хаксли поэтов XVIII в.? Иными словами, так ли плох поэт Дарвин? В статье М. МакНил «Научная муза: поэзия Э. Дарвина» убедительно показано, что именно такого рода оптимистическая поэзия лучше всего служила культурной стратегии во времена Промышленной революции: представить буржуазии — главной аудитории тех дней — значение и величие науки, техники и медицины [6, р. 161]. Хаксли, очевидно, не учитывал особую прагматику поэзии Дарвина, прямо заявлявшего, что намерен развлекать, ясно предоставив воображению читателя прекрасные и возвышенные образы, сотворенные Природой.

«Абсолютное непонимание, распространенное гораздо шире, чем мы думаем <...> придает привкус ненаучности всей «традиционной» культуре, и часто <...> эта ненаучность едва не переходит за грань антинаучности. <...> В моральном отношении они (ученые. — *И. Г.*), в общем, составляют наиболее здоровую группу интеллигенции, потому что в самой науке заложена идея справедливости и почти все ученые самостоятельно вырабатывают свои взгляды по различным вопросам морали и нравственности» [8, с. 199].

Этот последний тезис Сноу, разумеется, не может быть признан истинным. Как показывает история науки, ученые зависят от доминирующих этических представлений эпохи³. Но больше всего Сноу сетует на невежество литераторов:

«Поистине удивительно, насколько поверхностным оказалось влияние науки XX века на современное искусство. От случая к случаю попадаются стихи, в которых поэты сознательно используют научные термины, причем, обычно неправильно. <...> Совершенно ясно, что в таком виде наука вряд ли может принести искусству какую-нибудь пользу. Она должна быть воспринята искусством как неотъемлемая часть всего нашего интеллектуального опыта и использоваться так же непринужденно, как всякий другой материал» [8, с. 204].

Как видим, этот тезис Сноу практически совпадает даже с ранними представлениями О. Хаксли о роли науки в литературе.

Текст Сноу в шестом переиздании попался на глаза Ф. Р. Ливису (1895–1978), продолжателю традиций М. Арнольда в критике. Ливис, возмущенный научным шовинизмом Сноу и вульгарной прямолинейностью его тезисов, сделал ответный ход в лекции 1962 г. «Две культуры? О значении Ч. П. Сноу» [9], в которой провозгласил: гуманистична одна единственная культура — традиционная, гуманитарная, ибо она подчеркивает индивидуальное. Равнодушие к искусству и литературе таит в себе опасность дегуманизации. Культура, в особенности литература, не только воплощает эстетические ценности, но и является источником тотального влияния на мироощущение. Ответ, данный Ливисом, хоть и не вполне корректен, но все же выявляет неадекватность тезиса Сноу о том, что единственная социальная надежда лежит именно в области науки и техники⁴.

Такова была атмосфера, повлиявшая на решение Олдоса Хаксли поставить точку в споре о «культурах» или по крайней мере найти здоровое зерно в аргументах двух сторон. В 1963 г. Хаксли опубликовал в «*Harper's*» статью «Единственный способ написать современную поэму о соловье» (*The Only Way to Write a Poem About a Nightingale*) [13]. В ней он дает по тем временам достаточно новаторское в своей точности определение литературного и научного дискурсов. Хаксли подошел к этой теме строго научно, последовательно доказывая, что наука описывает обобщенный опыт (*public experience*), а литература — личный (*private experience*). Нельзя не заметить, что произведения О. Хаксли этот тезис опровергают, ибо порой содержат суммированный и обобщенный опыт, изложенный гораздо убедительней, чем личный опыт его героев. Впрочем, Хаксли и сам это понимал и потому на первой же странице отметил: «Не столь систематично, но литература также имеет дело с этим обобщенным опытом» [13, р. 62].

³ Анализу этой корреляции посвящены книги М. Фуко, в частности «Слова и вещи» (1966) [10].

⁴ Тогда же в спор включились Лайонел Триллинг, опубликовавший эссе в июньском номере журнала «*Commentary*» «Наука, литература и культура: заметки по поводу спора Ливиса — Сноу» [11], и Роберт Оппенгеймер, написавший статью «О науке и искусстве» в «*Encounter*» в октябре того же года [12].

Век Науки, напоминает писатель, все же остается и веком частного переживания. Каково же назначение современной литературы? Во-первых, поскольку человек воспринимает мир опосредованно, в частности через призму литературы, она должна правдиво (адекватно фактам) передавать жизненный опыт. При этом современная литература должна оставаться искусством, ибо плохое искусство наряду с нереалистичной философией и религиозными предрассудками — это преступление против человечества. Во-вторых, знание, лежащее в основе произведения, должно соответствовать правде личного опыта, правде культурной традиции и правде современной науки. Сплав этих трех составляющих послужит «сырьем для новых литературных форм» [13, р. 63].

Таков манифест новой литературы, цель которой — исследование Человека и исследование природы Новой Эпохи:

«Современный литератор, приготовившийся написать о Природе, сталкивается с задачей гармонично связать в рамках одного произведения освященный древностью материал, доставшийся ему от мифотворцев былых эпох, с новыми открытиями и гипотезами, которые в изобилии порождает его собственная эпоха» [13, р. 64].

В «эссе о соловьях» Хаксли приводит конкретный пример неадекватного решения поставленной художественной задачи. Это стихотворение Т. С. Элиота «Суинни среди соловьев», название которого обыграно в заголовке эссе. Хаксли критикует Элиота за незнание элементарных фактов о соловьях — за невежество, непростительное для современника Конрада Лоренца. В самом деле, в стихотворении Элиота соловей распевает тогда, когда в природе ничего подобного услышать невозможно:

«Для литератора двадцатого столетия новые сведения об этом освященном традицией поэтическом материале могут сами по себе служить материалом для поэзии. Поэт, игнорирующий этот факт — трус. Новые факты о соловьях — это вызов, который стыдно не принять. Ученые слова, слова учебника должны быть очищены и превращены в богатый смыслами язык, способный одновременно выразить как правду о соловьях — об их существовании в мире гусениц, эндокринных желез и охраняемой ими территории, так и правду о людях, слушающих песнь соловья» [13, р. 66].

Итак, Хаксли твердо убежден, что фактическая нелепица разрушает самую совершенную поэтическую структуру.

Вслед за «эссе о соловьях» выходит книга Хаксли «Литература и наука» (*Literature and Science*, 1963) [14], цель которой — более развернуто определить, какова связь литературы и науки, сформулировать, чем с художественной точки зрения литературе XX в. может быть полезна наука XX в. По существу, «Литература и наука», завершившая писательскую карьеру Хаксли, представляет собой проект новой прозы, чье предназначение — показать жизнь человека новой эпохи, человека, сознание которого обусловлено новым знанием.

Эта последняя книга Хаксли — сумма его зрелой эстетики. Она недвусмысленно свидетельствует о том, что дидактическая и просветительская роль литературы для него беспорна и первостепенна.

Если назначение ученого, по Хаксли, заключается в создании монистической системы, в которой все многообразие мира сведено к некоей систематической целостности, то писатель должен не просто конституировать многообразие мира. Ему следует акцентировать многоликость жизни, изображая «радикальную непостижимость грубого, неподдающегося осмыслению бытия», переводить случайность и бесформенность индивидуального существования в организованное и осмысленное произведение искусства:

«Литература не “номотетична”, а “идиографична”; она занимается не закономерностями и объяснительными законами, а описаниями внешнего вида и отличительными чертами объектов <...>, воспринимаемых как единое целое, а также суждениями, сравнениями и установлениями различий, она занимается внутренним содержанием сущности и самой сущностью, и, наконец, она занимается *Istigkeit* — не-мыслием в сознательном, непреходящей Таковостью в бесконечности непрерывного разрушения и непрерывного обновления» [14, p. 8].

Очевидно, что при таком подходе роль литературы видится Олдосу Хаксли поистине всеобъемлющей — ведь она посвящена выявлению как характерного, индивидуального, так и непреходящего.

Чем, по теории О. Хаксли, литература может оказаться полезной науке?

Литература всегда была и по-прежнему является хоть и интуитивным, но довольно точным «инструментом» познания типов и характеров. Во многом она предваряет открытия антропологии, биологии и психологии. Хаксли приводит примеры героев Шекспира и Диккенса, которые полностью соответствуют данным новейшей психологии — современным научным соматотипическим классификациям. «Лишь в двадцатом веке наука догнала литературу», что, как справедливо отмечает Хаксли, накладывает на последнюю особую ответственность [14, p. 84]. Хаксли убежден, что естественные науки нуждаются в интуитивных озарениях художника, в точке зрения писателя, существенно отличающейся от видения ученого. Писатель смотрит на мир «с высоты птичьего полета», т. е. непредвзято, ибо не скован дисциплинарными рамками.

Хаксли представляет себе идеальную современную литературу как синтез обобщенного знания и личного непосредственного опыта, как сплав безукоризненных научных рассуждений и не менее безупречного художественного чутья.

Однако естественнонаучное знание, как писал Хаксли в «Литературе и науке», в основном остается за пределами литературы, оно не усвоено теми, чья традиционная задача заключается в изучении человека как индивидуума, как продукта культуры и как биологического вида.

Хаксли не раз говорил, что успехи психологии, физиологии и биохимии отразятся на человеке гораздо сильнее, чем успехи физики и техники:

«Очевидно, что биология имеет более непосредственное отношение к человеческому опыту, нежели более точные науки, такие, как физика и химия. Отсюда ее особая значимость для писателей. Науки о природе могут подтвердить интуитивные догадки художника, расширить его представления, обогатить кругозор. У писателей <...> — как пишет профессор А. Маслоу, — возможно, случаются удивительные озарения; возможно, они задают нужные вопросы, выдвигают справедливые гипотезы, и, вероятно, в большинстве случаев они правы. Но как бы они сами ни были в чем-то убеждены, им никогда не убедить человечество. <...> Наука — это единственное имеющееся у нас средство навязать истину сопротивляющимся» [14, p. 79].

Хаксли указывает на еще одну роль литератора — этическую. Так как современная наука порой способствует достижению совершенно негуманных целей, то именно литература, не столь абстрактная и безличная, должна напоминать об этой «гротескной и все более угрожающей ситуации» [14, p. 93].

Однако гораздо более точное определение роли писателя О. Хаксли дал не в «Литературе и науке», а за четыре года до этого, выступая в качестве приглашенного докладчика на Конференции по психофармакологическим проблемам изучения сознания (Сан-Франциско, 1959) с докладом «Окончательная революция» (*The Final Revolution*).

Думается, имеет смысл процитировать следующий пространный пассаж из его речи, который впервые приводится здесь в русском переводе:

«Сегодня вечером я спросил себя, что именно я делаю в этой компании. Кажется, я единственный гуманитарий среди множества докторов разнообразных наук. Здесь я подобен невежде в огромном море профессионального знания. <...> В “Еже и Лисе”, любопытном эссе о Толстом, Исая Берлин пишет: лиса много всего знает, еж знает что-то одно, но очень важное. У лисы в запасе много хитростей, но еж может сворачиваться в клубок и таким способом противостоять лисе. Этот образ подходит к разным областям. В литературе, например, есть писатели-лисы и писатели-ежи. Лисы обследуют огромные территории и знают массу разных вещей. Лучший пример писателей-лис — Шекспир. А есть писатели-ежи, сосредоточенные на одной единственной идее, которую они развивают до крайних пределов. Лучший пример — разумеется, Данте.

В данный момент, думается, эти образы можно отнести к специалистам и неспециалистам. Можно сказать, что я — это лиса из «низов», оказавшаяся среди множества высокопоставленных ежей. Так что же я здесь делаю? <...> Очевидно, что я не могу соперничать ни с одним из здешних ежей. Я слушаю доклады, и многие из них исключительно интересны. Я извлекаю из них много полезного. Должен признаться, что когда ежи слишком углубляются в химию, я просто сворачиваюсь в клубок и не понимаю ничего из того, что они говорят. И тем не менее думается, лиса с ее довольно поверхностными знаниями о многих вещах, с ее широким кругозором и многообразной деятельностью также может оказаться полезной. <...>

Думаю, писатель способен внести свой вклад. Если он решит какое-то время сотрудничать с ежами, то сможет построить мост, соединяющий науку с обыденной жизнью. Это кажется мне исключительно важным» [15, р. 216–217].

Итак, можно с уверенностью сказать, что еще до того, как приступить к работе над «Литературой и наукой», Хаксли знал способ преодоления конфликта «двух культур». Главенствующую роль он отводил не ученым — как Сноу, — а писателям. Именно они должны, по его замыслу, стать медиаторами, переводчиками с языка науки.

Нельзя не заметить, что главный призыв, содержащийся в этом сочинении, — это «извлечь лучшее из обеих сфер: изящной словесности и науки» [14, р. 77]. Непреходящая популярность двух его прогностических произведений — «Дивного Нового Мира» и «Острова» свидетельствует о том, что такой способ «извлекать лучшее» был им найден именно потому, что он обладал как литературным дарованием, так и ученостью. Блестящее освоение различных областей знания позволило Олдосу Хаксли создать особый, междисциплинарный, механизм интертекстуальности.

Своеобразная красота обеих утопий Хаксли, использующих преимущества как философского дискурса, так и специфику собственно научной прозы, во-первых, покоится на целостности, стройности и остроумности научных концепций, во-вторых, на действительном соответствии последних современным научным представлениям, в-третьих, на способности писателя прогнозировать пути и последствия научного познания и научного прогресса. Степень эстетического совершенства такого рода прозы, безусловно, зависит и от степени осведомленности (в случае О. Хаксли — вовлеченности) в актуальной жизни науки.

Наука действительно предоставила писателю бесценные открытия и гипотезы. Многообразные таланты, изобретательность и острый ум позволили Хаксли превратить «научное сырье» в художественные произведения, обратившись к тем обширным областям знания, которые были недоступны его предшественникам и которые по тем или иным причинам были безразличны литераторам-современникам.

Художественные произведения, трактаты, эссе и предисловия Олдоса Хаксли ввели в сферу публичного обсуждения комплекс морально-этических, социальных и медицинских проблем, возникших в обществе в результате научных открытий. Писатель не сомневался, что вопросы, непосредственным образом затрагивающие саму биологическую природу человека и целостность человеческой личности, должны обсуждаться повсюду, а не только в научных кругах. И здесь он отводил особую роль литературе.

Язык науки изначально был для него литературным материалом. Прагматика его зрелых произведений такова, что их сигнификация оказалась возможной только через научный дискурс. Последний, таким образом, выступает как дискурсивная формация, без которой образность его романов просто-напросто не зародилась бы.

Так, пусть не в поэзии, как об этом мечтал сам О. Хаксли, а в прозе, но наука обрела в его произведениях ту страстность и драматизм, которых ему так сильно недоставало в литературе предшественников и современников.

* *
*

Суждения О. Хаксли о науке и литературе получили продолжение и в современном литературоведении. В самом деле, спор о «двух культурах» может при необходимости быть сведен к вопросу «что такое литература?» На непрофессиональный взгляд, ответ самоочевиден. Очевидность эта, как показал Хаксли и как все яснее и убедительней демонстрируют самые разные школы литературоведения, мнимая.

Имажинерность границы научного и литературного дискурсов одними из первых продемонстрировали критики, представлявшие «социокультурное литературоведение» (*culture criticism*), в частности британец Рэймонд Уильямс («Долгая революция», 1961 [16] и «Культура и общество», 1958 [17]). Критики этой школы пересмотрели позиции, с которых ранее выносились суждения о том, что следует считать художественным текстом, и потребовали равноправия в изучении и соположении *fiction*, *non-fiction* и *document*.

Мишель Фуко, в свою очередь, предложил подход, названный им «археология знания», в одноименном труде 1969 г., а также в книге «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966), показав взаимозависимость порождения и сигнификации знания, философских и идеологических конструкторов и языка литературы.

Проблема языка литературы находилась и в центре структуралистских теорий. Так, например, Ролан Барт заявил, что XX в. можно назвать веком размышлений о том, что такое литература. В статье «От науки к литературе» (1967) [18] Барт указывал на то, что литература обладает всеми «неопределяющими» (вторичными) атрибутами науки. У литературы то же содержание, что у науки: нет ни одной научной материи, которой в тот или иной момент не коснулась мировая литература. Художественный мир охватывает все виды познания (социальное, психологическое, историческое, естественнонаучное). Однако, как и Хаксли, Барт подчеркивает, что для науки язык лишь орудие, и потому он стремится быть как можно более прозрачным и нейтральным, целиком завися от субстанции научного изложения, которая по отношению к нему внеположена и первична. Сама по себе словесная форма — ничто. (С данным тезисом многие из критиков никогда не согласятся.) «Литературное» слово отсылает к культурной традиции, реализует риторические модели и содержит намеренную смысловую неоднозначность.

Следующий тезис резко отличает Барта от литературоведов, которые ставят под сомнение само существование литературного дискурса: «Именно литература должна

активно представлять перед глазами науки как социального института отвергаемую этим институтом суверенность языка» [18, с. 382].

Пожалуй, наиболее знаменитая из классических структуралистских работ, посвященных определению литературы, — это «Понятие литературы» Цветана Тодорова⁵. Но начиная с 1980-х годов Тодоров, все больше отходя от классического структурализма, говорит об экзистенциальном значении литературы (например, в «Критике критики», 1984). С годами он все настойчивей подчеркивает, что литература важна прежде всего тем, что позволяет каждому человеку реализовывать свой человеческий потенциал. Не на такой ли роли литературы настаивал Хаксли? Тодоров — разумеется, без ссылок на Хаксли, чьи идеи не входили в круг его интересов, — заявил, что литература, подобно философии и науке, содержит знание о человеке и мире и стремится понять главную реальность — человеческий опыт.

Тезисы статьи Тодорова «Для чего существует литература?» (2007) [22], перечисляющие признаки литературы: уникальность опыта, переданная с помощью индивидуализированного дискурса, множественность интерпретаций, противостояние клишированным «общим местам эпохи», полностью созвучны рассуждениям Хаксли.

Представитель эволюционной критики Джозеф Кэрролл в статье «“Теория”, анти-теория и эмпирическое литературоведение» [23] также вплотную подходит к подтверждению той роли, которую отводил литературе Олдос Хаксли. При этом заслуги Хаксли (в отличие от роли М. Арнольда) в разработке данной проблематики, как водится, преданы Кэрроллом забвению. А между тем рассуждения Кэрролла по большей части буквально воспроизводят мысли Хаксли. Так, например, критик говорит:

«Представления о психологии, общественной жизни и природе, содержащиеся в литературном тексте как специфически сформулированные тезисы, приблизительно совпадают с представлениями, имеющимися в культуре, которой данный текст принадлежит. Философское или эссеистическое рассуждение более систематично, однако и более подвержено упрощению, ошибочной сосредоточенности на единичных идеях. Литература же имеет дело со всем словарем обычного языка и, таким образом, лучше приспособляется и более достоверно описывает частную жизнь или жизнь общества» [24, с. 100].

Как и Хаксли, Кэрролл ищет и находит идеологические и методологические предпосылки преодоления конфликта «двух культур». Он указывает и на роль научного знания в литературе и критике. Так, представление об организмах и окружающей среде может иметь непосредственное значение для изображаемой в произведении жизни. Кроме того, если нам необходимо понять, как производится и воспринимается смысл литературного произведения, мы должны получить необходимую информацию о личности человека (читателя) и о том, как эта личность существует в изменяющихся условиях окружающей среды⁶.

Думается, что О. Хаксли и даже гораздо более радикальный С. П. Сноу были бы удовлетворены, узнав, что современное эволюционное литературоведение и биоэстетика

⁵ См. специальный выпуск журнала: [19], а также [20]. Статья Тодорова опубликована в русском переводе [21].

⁶ См. об этом в книге Доусона «Дарвин, литература и викторианская респектабельность» [25], в особенности предисловие и гл. 6 «Т. Гексли, Генри Модсли и патологизация эстетизма». Столь же важны для понимания взаимосвязи дарвинизма и литературы книги Джорджа Ливайна «Дарвин и романисты» [26], «Реализм, этика и секуляризация: эссе о викторианской литературе и науке» [27] и сборник статей о влиянии дарвинизма и неodarвинизма на литературу «Викторианская наука и викторианские ценности» [28].

предлагают долгосрочную программу переобучения: литературоведам следует получить общее представление о достижениях современной физики, астрономии, генетики, молекулярной биологии и других дисциплин. Такого рода знания, как полагает, в частности, Кэрролл, позволят узнать, какое из наших представлений о человеке истинно. Не об этом ли начиная с 1919 г. твердил Олдос Хаксли?

Весьма свежими и перспективными являются и тезисы другого представителя эволюционной критики, Джорджа Ливайна, выдвинутые им в главе «Почему наука — не литература: о важности различий» его книги «Реализм, этика и секуляризация» (2008) [26]. Ливайн разбирает, казалось бы, окончательно утвердившийся в литературоведении постулат о практической неразличимости литературного и нелитературного дискурсов — по существу, о невычленимости литературы из общего дискурсивного поля. Ливайн говорит о значении особого рода литературной объективности, отличной от истинности научных или философских утверждений. Литература способна достигать такой объективности, которая концентрирует внимание читателя на «инаковости», не сводимой ни к каким правилам и законам, на «сингулярности». Кроме того, Ливайн подчеркивает, что большинство исследований по проблеме «литература и наука» однобоки, ибо неизменно рассматривают то, как научные идеи влияли на литературу — и почти никогда наоборот, а это так или иначе подчеркивает интеллектуальное превосходство (первенство) науки⁷. О том же самом почти теми же словами говорил Хаксли в «Литературе и науке» [14, р. 72].

Подобно Хаксли и Барту, Ливайн дает четкий перечень отличий литературы от науки, не отрицая, впрочем (вслед за Фуко), что наука — также продукт культуры и что даже сами формы ее выражения культурно обусловлены. Анализ отношений литературы и науки требует, по убеждению Ливайна, не попеременного выдвижения то первой, то второй на передний план в исследовании. Новый подход может, например, заключаться в том, чтобы показать скрытую субъективность научного дискурса, его внутреннюю противоречивость, его риторику, метафорику, его нарративные структуры, т. е. его литературность.

Не вызывает сомнений и следующий тезис: «Литература гораздо более рефлексивна, она осмысляет собственные стратегии скорее в качестве сюжета, нежели средства» [27, р. 180].

Подытоживая сказанное, отметим, что, несмотря на длинный путь, пройденный литературной критикой со времен дискуссии о «двух культурах», современный итог этого спора звучит вполне традиционно, в духе Хаксли, что со всей очевидностью подтверждает актуальность его точки зрения.

Литература

1. Берлин И. Олдос Хаксли // Хаксли О. Серое Преосвященство: этюд о религии и политике / Пер. с англ. В. Голышева, Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 5–16.
2. Murray N. A Life of Matthew Arnold. New York: St. Martin's Press, 1997. 400 p.
3. Arnold M. Literature and Science // Nineteenth Century. 1882. Vol. 12. P. 216–230.
4. Huxley T. H. Science and Culture, 1880 // Collected essays: In 9 vols. London, 1894. Vol. 3. P. 134–159.
5. Huxley A. Poetry and Science // Athenaeum. 1919. 22 Aug. P. 783.

⁷ А между тем существует немало примеров обратного влияния. См. указанные исследования Ливайна, а также наши работы [29] и [30].

6. *McNeil M.* The Scientific Muse: The Poetry of Erasmus Darwin // *Languages of Nature: Critical Essays on Science and Literature* / Ed. by L. J. Jordanova; foreword by R. Williams. London: Free Association Press, 1986. P. 159–203.
7. *Snow C. P.* The Two Cultures and the Scientific Revolution // *Encounter*. 1959. Vol. 12. June. P. 17–24.
8. *Сноу Ч. П.* Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.
9. *Leavis F. R.* Two Cultures? The Significance of C. P. Snow. London: Chatto & Windus, 1962. 45 p.
10. *Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Талисман, 1994. 406 с.
11. *Trilling L.* Science, Literature and Culture: a Comment on the Leavis–Snow Controversy // *Commentary*. 1962. Vol. 33. June. P. 461–477.
12. *Oppenheimer J. R.* On Science and Culture // *Encounter*. 1962. Vol. 19. Oct. P. 3–10.
13. *Huxley A.* The Only Way to Write a Poem About a Nightingale // *Harper's Mag.* 1963. Vol. 227. P. 62–66.
14. *Huxley A.* Literature and Science. Woodbridge, Conn.: Ox Bow Press, 1991. 118 p.
15. *Huxley A.* The Final Revolution // *A Pharmacologic Approach to the Study of the Mind* / Ed. by Robert M. Featherstone, Alexander Simon. Springfield. III. 1959. P. 216–228.
16. *Williams R.* The Long Revolution. London: Chatto & Windus, 1961. 400 p.
17. *Williams R.* Culture and Society, 1780–1950. London: Chatto & Windus, 1958. 363 p.
18. *Барт Р.* От науки к литературе // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с франц. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 375–382.
19. *New Literary History*. 1973. Vol. 5.
20. *Todorov Tz.* The Notion of Literature // *New Literary History*. 2007. Winter. Vol. 38, N 1. P. 1–12.
21. *Тодоров Ц.* Понятие литературы // *Семиотика языка и литературы* / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 355–369.
22. *Todorov Tz.* What Is Literature For? // *New Literary History*. 2007. Winter. Vol. 38, N 1. P. 13–32.
23. *Carroll J.* «Theory», Anti-Theory, and Empirical Criticism // *Biopoetics: Evolutionary Explorations in the Arts* / Ed. by B. Cooke and F. Turner. Lexington, Kentucky: ICUS Books, 1999. P. 139–154.
24. *Кэрролл Дж.* «Теория», антитеория и эмпирическое литературоведение // *Вопросы литературы*. 2006. № 1. С. 93–107.
25. *Dawson G.* Darwin, Literature and Victorian Respectability. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 282 p.
26. *Levine G.* Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1988. 319 p.
27. *Levine G.* Realism, Ethics and Secularism: Essays on Victorian Literature and Science. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. 283 p.
28. *Victorian Science and Victorian Values: Literary Perspectives* / Eds. J. Paradis and T. Postlewait. New Brunswick; New York: Rutgers Univ. Press, 1985. 362 p.
29. *Головачева И. В.* Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли. СПб.: Изд-во фак-та филологии и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. 344 с.
30. *Golovatcheva I.* Misunderstanding of Utopia and Utopia of Misunderstanding: Aldous Huxley and Psychology // *Understanding/Misunderstanding: Contributions to the Study of the Hermeneutics of Signs* / Ed. by Eero Tarasti; associate editors, Paul Forsell, Richard Littlefield; Intern. Semiotics Inst., Semiotic Society of Finland. Imatra, 2003. P. 219–229.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2010 г.